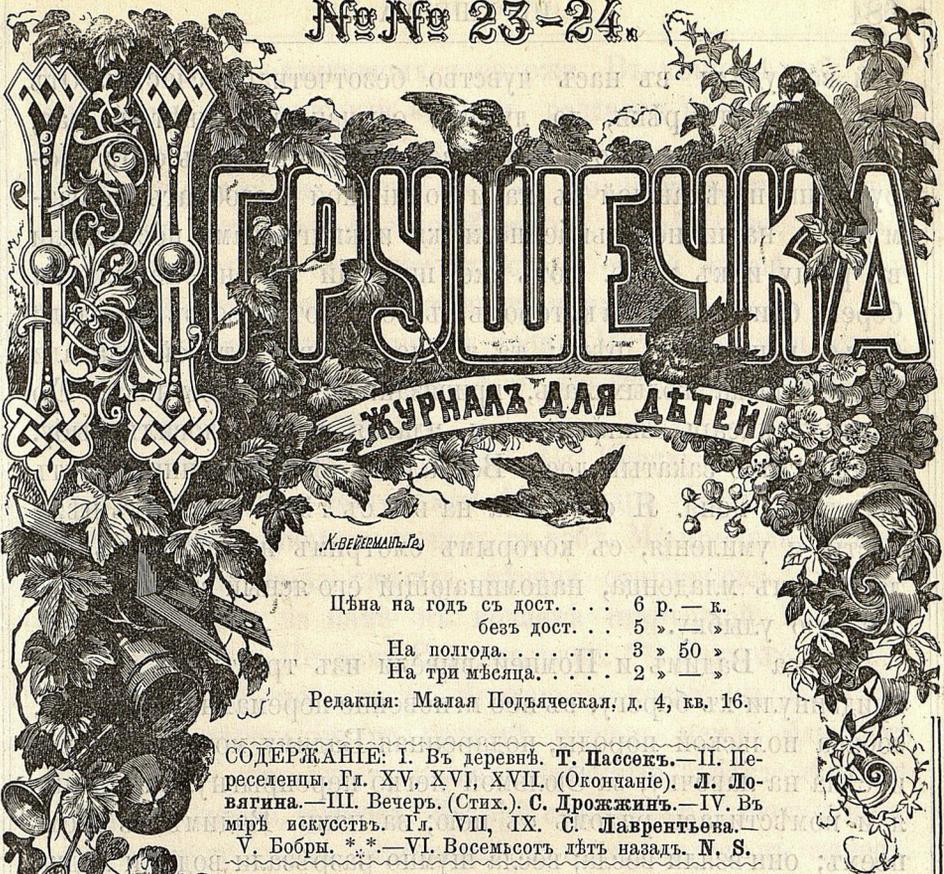


№№ 23-24.



ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. ВЕРМАЛЬЕ

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода. 3 » 50 »
 На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Въ деревнѣ. Т. Пассекъ. — II. Переселенцы. Гл. XV, XVI, XVII. (Окончаніе). Л. Ловягина. — III. Вечеръ. (Стих.). С. Дрожжинъ. — IV. Въ мѣрѣ искусствъ. Гл. VII, IX. С. Лаврентьева. — V. Бобры. * * *. — VI. Восемьсотъ лѣтъ назадъ. Н. С.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

...Волнуется желтѣющая нива,
 И свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
 И прячется въ саду малиновая слива
 Подъ тѣнью сладостной зеленого листа;

* * *

...Росой обрызганный душистый,
 Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
 Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
 Привѣтливо киваетъ головой. Лермонтовъ.

Въ 1833 году, въ маѣ мѣсяцѣ, я съ Вадимомъ *) и пятнадцатилѣтнимъ братомъ его Помпеемъ отправилась въ подмосковное село Васильевское.

Мы приѣхали туда около сумерокъ и помѣстились въ барскомъ домѣ. Прелесть мѣста, глубокая тишина, воздухъ по-

*) Вадимъ Васильевичъ Пассекъ, мой мужъ.

лей возбудили въ насъ чувство безотчетнаго счастья. Отъ голубой ленты рѣки, до луговъ, осыпанныхъ цвѣтами мая, все какъ бы улыбалось намъ, все манило насъ къ себѣ. Поручивши прїѣхавшей съ нами горничной разобрать и размѣстить наши небольшіе пожитки и книги, сами поспѣшили въ рощу и къ рѣкѣ. Тотъ же широкій камень лежалъ на берегу близъ воды, на которомъ въ моемъ отрочествѣ мы клали бѣлье, купаясь въ рѣкѣ; та же лодка, въ которой плавали тогда, слегка колыхалась, привязанная въ тростникѣ. Ею владѣлъ писарь Епифанычъ и, плавая въ ней, ловилъ рыбу. Солнце тихо закатывалось. Все алѣло. Жизнь раннихъ лѣтъ обступала меня. Я смотрѣла на все съ тѣмъ чувствомъ нѣжности и умиленія, съ которымъ смотримъ на портретъ милого намъ младенца, напоминающій его ясный взглядъ и его голубую улыбку.

Когда Вадимъ и Помпей вывели изъ тростника лодку и придвинули къ берегу, въ нее мгновенно перемахнула Зюльма, собака польской породы, подаренная Вадиму моимъ братомъ, и сѣла на лавочку; за Зюльмой легко перепрыгнула въ лодку я и помѣстилась рядомъ съ нею; за нами Вадимъ съ Помпеемъ; они взяли весла; весла шумно разрѣзали воду, и лодка поплыла. Берега, лѣсъ, вечерняя зоря опрокинулись въ рѣкѣ. Отъ времени до времени, въ голубомъ пространствѣ съ легкимъ крикомъ проносились надъ нами въ одиночку бѣлыя чайки...

И громко пѣлъ во тѣмѣ вѣтвей

Печаль и счастье соловей.

Въ водѣ, въ воздухѣ, въ растеніяхъ чувствовался трепеть жизни. Въ самой тишинѣ, окружавшей насъ, струилась жизнь.

Мы возвратились домой, когда наступилъ вечеръ, и принесли большіе букеты ландышей и бѣлыхъ ночныхъ фіалокъ, еще мокрые отъ росы. Фіалки тотчасъ разлили по комнатѣ свой упоительный запахъ. Въ столовой, на большомъ липовомъ столѣ, насъ ожидалъ чай. Мы раскрыли окна, въ нихъ стала пробираться роса, и изъ-за рва слышались голоса

перепеловъ, перекликавшихся во ржи. Въ комнатѣ, гдѣ, бывало, ворчалъ капризный старикъ, раздавался веселый разговоръ и молодой, вольный смѣхъ...

Мы прожили въ Васильевскомъ до августа, не замѣчая жизни, мы жили и — только. Природа, прошедшее, настоящее, все какъ бы сосредоточилось въ одной живой точкѣ и билось однимъ пульсомъ жизни съ нами.

Вадимъ въ деревнѣ писалъ свои „Путевыя записки“; я переводила романъ Карра „*Sous les tilleules*“; иногда мы читали другъ другу вслухъ.

Августъ наступилъ незамѣтно. Въ Васильевскомъ мы получили письмо отъ моего дяди Александра Ивановича изъ Чертовой. Онъ приглашалъ насъ къ себѣ. Мы приняли приглашеніе и въ первыхъ числахъ мѣсяца отправились къ нему съ присланными за нами въ коляскѣ старушкой Натальей Ивановной *) и Петромъ Семеновичемъ. **) Такъ же, какъ и въ первую мою поѣздку въ Чертовую, когда мы выѣхали, день былъ сѣренькій, въ воздухѣ парило, пахло близкимъ дождемъ, въ лѣсу чувствовался смѣшанный запахъ лѣсныхъ травъ, деревьевъ, грибовъ. Вскорѣ сталъ накрапывать дождь, мало по малу дождь разошелся и превратился въ ливень. Петръ Семеновичъ раскинулъ поверхъ коляски кожу, застегнулъ кожей со стеклышками съ боковъ и превратилъ коляску въ карету. Сидя въ полусвѣтѣ, подъ шумъ дождя, скатывавшагося съ кожи экипажа на землю, мы вступили въ разговоръ съ Натальей Ивановной. Она намъ рассказала, что дядя, съ кончины своей жены, сталъ вести жизнь самую уединенную, даже по зимамъ пересталъ переселяться въ Тулу, какъ бывало прежде. Въ отъѣзжія поля съ сосѣдями уже не ѣздитъ, а охотится иногда одинъ съ своими псарями и собаками, большею же частью сидитъ дома, занимается хозяйствомъ, садомъ и оранжереей, и забавляется съ своими дѣтьми.

*) Кормилица дяди его.

**) Пригасиель дяди.

Разговаривая да разсуждая въ дорогѣ, мы знакомились съ новымъ бытомъ дяди. Въ полдень останавливались кормить лошадей; съ вечера приставали у знакомыхъ другого нашего спутника, Петра Семеновича, на ночлегъ. На третій день, на закатѣ солнца, передъ нами засвѣтился между вербами прудъ деревни Сторожевой, принадлежавшей дядѣ, поля сжатого хлѣба, по которымъ кое-гдѣ синѣлъ забытый серпомъ василекъ. Вскорѣ показался плетень нижняго сада, баня, бѣлый съ красными полосами флагъ на бельведерѣ дома—знакъ присутствія въ немъ помѣщика, наконецъ, и самъ дядя на крыльцѣ, въ бѣлой артиллерійской фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ. Онъ стоялъ одинъ. Завидя насъ, еще издали снялъ фуражку и замахалъ ею, въ знакъ привѣта.

Когда мы вошли въ залу, дядя благодарилъ насъ, что его навѣстили, и, показавши на рядъ парадныхъ комнатъ, радушно сказалъ:

— Вся эта половина въ вашемъ распоряженіи, прошу быть какъ дома и ничѣмъ не стѣсняться, позвольте и мнѣ вести мой обычный образъ жизни.

Домъ дяди былъ деревянный, большой, какіе бывали у большей части помѣщиковъ того времени. Широкій корридоръ раздѣлялъ его на двѣ половины: на парадную и домашнюю. Къ одной стѣнѣ корридора придѣланы были шкапы, гдѣ хранились платья, дорогая парадная посуда, ненужныя вещи, старыя газеты. Парадная половина состояла изъ обширной залы, гостиной, спальни и небольшого кабинета, открывшагося въ цвѣточную оранжерею. Стѣны этого кабинета были обтянуты въ складку шелковой матеріей лимоннаго цвѣта, такой же матеріи драпировка затѣняла окно, у котораго стоялъ маленькій письменный столикъ. Диванъ и кресла были обиты пунцовымъ казимиромъ. Вся эта половина дома окнами обращена была въ садъ. Въ гостиной между двухъ оконъ находилась стеклянная дверь, открывшаяся на широкій балконъ съ колоннами и широкими ступенями, убранными цвѣтами. Песчаная дорожка отдѣляла

балконъ отъ длинной грядки лиловыхъ ночныхъ фіолей, душистаго горошка и расписныхъ турецкихъ гвоздикъ, окаймлявшихъ зеленый лужокъ.

Дядя расположился въ половинѣ домашней, обращенной окнами во дворъ; на немъ виднѣлись: голубятня, скворечница, конура цѣпной собаки и качели. Половина эта состояла изъ передней, столовой, довольно просторнаго кабинета дяди, въ которомъ онъ проводилъ большую часть времени, маленькой спальней и галлерейки, ведущей въ обширную дѣвичью, съ дубовыми лавками и громадной лежанкой. У оконъ дѣвичьей помѣщалось нѣсколько пялецъ. Корридоръ, начинавшійся отъ столовой, оканчивался комнатою, которую я занимала, бывши дѣвочкой. Я навѣстила ее. Тѣ же диваны огибали стѣны; тѣ же книги лежали въ шкапу; я ихъ пересмотрѣла и перенесла въ спальню „Дѣтей аббатства“; прибавился въ бывшей моей комнатѣ только садокъ съ канарейками, прикрѣпленный надъ дверью.

Къ обѣду пріѣхалъ сосѣдъ, пріятель дяди, Никаноръ Ивановичъ Чалищевъ. Въ два часа старый буфетчикъ Антоничъ, съ салфеткой, перекинутой черезъ руку, безстрастнымъ голосомъ провозгласилъ: „кушать готово“—и всѣ двинулись къ столу. За стуломъ каждаго сѣвшаго за столъ сталъ слуга, держа лѣвой рукой у груди чистую тарелку, и немедленно замѣнялъ ею ту, съ которой было все съѣдено, затѣмъ снова вооружался чистой тарелкой. Обѣдъ дяди почти всегда состоялъ изъ пяти, шести блюдъ, превосходно изготовленныхъ поваромъ, учившимся стряпать въ англійскомъ клубѣ. Между жаркимъ и пирожнымъ подали шампанское. Когда пили за наше здоровье, поздравляя съ бракомъ, раздались выстрѣлы изъ пушекъ. У дяди вблизи дома стояло шесть пушекъ.

Послѣ обѣда въ гостиной подали кофе и десертъ изъ фруктовъ, между которыми находились тарелки съ горохомъ и бобами. Дядя хвалился передъ сосѣдомъ ананасами, дынями и разными сортами яблокъ и сливъ. Разрѣзая, объ-

яснялъ достоинство, вкусъ и аромать каждого. На вечерней зарѣ мы съ Вадимомъ пошли съ удочками на прудѣ, находившійся въ саду, половить карасей. Къ намъ подѣлъ старикъ садовникъ съ мальчикомъ внукомъ и вступилъ въ разговоръ о рыбной ловкѣ. Рыба клевала отлично; мы безпрестанно выдергивали удочки съ трепещущими карасями, блестящими золотистой чешуей, и сбрасывали ихъ въ ведро съ водою. За ужиномъ караси эти явились на сковородѣ, жареные въ сметанѣ съ лукомъ.

Земледѣліе, особенно садоводство и роскошная цвѣточная оранжерея были любимыми предметами занятій дяди. Поселившись на житѣ въ Чертовой, онъ по своему плану разбилъ около дома сады, обнесъ ихъ живымъ ивовымъ плетнемъ, провелъ около плетня широкую липовую аллею и самъ образовывалъ садовниковъ. Кромѣ дорогихъ фруктовыхъ деревьевъ, въ саду было пропасть цвѣтовъ и такое множество розановъ, что, когда они осыпались, то листочки ихъ, разносимые вѣтромъ, розовымъ ковромъ устилали землю около кустовъ и ближайшихъ дорожекъ. Садъ былъ образцовый и давалъ хорошій доходъ.

Въ домашнемъ хозяйствѣ все было свое, начиная съ прислуги: прикащики, конторщики, экономы, офиціанты, повара и всевозможные мастеровые; въ двѣичей — экономка, барскія барыни, фрейлины при барынѣ и барышняхъ, горничныя, чистыя и черныя, кружевницы, пялешницы и проч. Такимъ образомъ, начиная отъ высшихъ до низшихъ должностей служителей, отъ мебели до тончайшихъ кружевъ, все было свое.

Дядя неизмѣнно держался образа жизни и хозяйства безъ нововведеній; по достаточнымъ средствамъ своимъ, онъ не отказывалъ себѣ ни въ довольствѣ, ни въ нѣкоторой роскоши. Крестьяне у него работами не отягощались, но съ нихъ строго взыскивалось добросовѣстное исполненіе барщины. Равномѣрно взыскивалось исполненіе возложенныхъ обязанностей, какъ съ дворовыхъ людей, такъ и съ комнатной при-

слуги. Дворовыхъ и комнатныхъ, состоявшихъ при различныхъ хозяйственныхъ должностяхъ, насчитывалось въ Чертовой болѣе полутораста человѣкъ. При взрослой прислугѣ, для посылокъ держались дѣвочки и мальчики-казачки, которые воспитывались щелчками и подзатыльниками. Кромѣ народа при дѣлѣ, состояло до двадцати пяти человѣкъ при псовой охотѣ, забавѣ дяди. Со дня своего водворенія въ деревнѣ и до своей кончины, дядя ни на волосъ не измѣнилъ ни системы хозяйства, ни образа жизни: вставалъ онъ въ 6 час. утра, пилъ чай одинъ и въ это время читалъ газеты, затѣмъ ѣхалъ верхомъ осматривать полевья работы и другія хозяйственныя заведенія; возвратясь домой, осматривалъ садъ, оранжереи, парники, завтракалъ, гулялъ, велись разговоры; иногда пріѣзжали сосѣди; въ два часа обѣдъ, десертъ; затѣмъ ложились отдыхать, и по дому распространялась непробудная тишина. Отдохнувши, развлекались прогулкой, полдникомъ, разговорами; въ шесть часовъ чай, въ девять ужинъ, отдавался прикащику приказъ по хозяйству, и въ 10 часовъ весь домъ спалъ.

Эта жизнь не мѣшала имъ быть здоровыми и нерѣдко доживать до глубокой старости *).

Однообразная, неподвижная жизнь въ домѣ дяди была до того глубока, что втягивала въ себя все и каждого, кто съ ней ни соприкасался. Вещи многими годами стояли и лежали на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ; прислуга ходила одними и тѣми же неслышными шагами, смотрѣла также почтительно и также подобострастно служила. Самое время въ Чертовой какъ бы остановилось на одномъ моментѣ и отмѣчало свое движеніе единственно измѣненіемъ чертъ лица ея жителей.

Иногда послѣ обѣда, когда весь домъ ложился отдыхать, мы приходили въ комнату Натальи Ивановны и помѣщались

*) Дядя скончался ста лѣтъ, сидя на подвижныхъ креслахъ, насвистывая маршъ. Отецъ его скончался 110 лѣтъ, прилегли на кровать, сложивши руки на крестное знаменіе,—оба безъ страданія.

тамъ на ея кровати; старушка придвигала свои глубокія кресла къ маленькому столику, стоявшему у ея постели, ставила на столикъ тарелочку съ прозрачнымъ желе, графинъ воды со льдомъ, садилась противъ насъ, и у насъ начинался разговоръ о бабушкахъ и прабабушкахъ, при которыхъ она служила съ дѣтскихъ лѣтъ въ различныхъ должностяхъ, или толковали сны и гадали на Мартынѣ Задекѣ. Мирно текли дни наши въ Чертовой. Какая-то нѣга праздности охватила насъ, отталкивала не только что отъ дѣла, но и отъ серьезныхъ интересовъ. Мы цѣлые дни гуляли, ѣли, отдыхали, упивались въ оранжереѣ запахомъ жасминовъ и гардений и забавлялись, какъ „не тронь меня“ трепетно сжимается и опускаетъ вѣтки отъ прикосновенія къ ней и какъ мухоловка задерживаетъ опускавшихся на нее насѣкомыхъ. Растеніе „не тронь меня“, или, какъ его называютъ ботаники, „стыдливая мимоза“ по черешку усѣяна мелкими продолговатыми листиками. Они отъ самаго легкаго прикосновенія къ нимъ складываются вдвое, а общій черешокъ наклоняется къ вѣткѣ. Если обрѣзать ножницами кончикъ листика, остальные сейчасъ сжимаются. Надъ мимозой мы дѣлали разныя наблюденія и замѣтили, что чѣмъ свѣжѣе растеніе, тѣмъ оно чувствительнѣе, тѣмъ раздражительнѣе.

Дядя, любитель садоводства и отчасти ботаникъ, рассказывалъ намъ, что въ нѣкоторыхъ растеніяхъ замѣчаются даже прихоти и привычки. Мы были удивлены; дядѣ было пріятно наше удивленіе и наше вниманіе къ жизни растений, и онъ между прочими объясненіями рассказалъ намъ, какъ ученый Дефонтенъ доказалъ, что мимоза можетъ понемногу привыкнуть къ раздраженію. Однажды, говорилъ онъ, Дефонтенъ везъ мимозу въ своей каретѣ; какъ только экипажъ двинулся, листочки сжались и вѣточки опустились, какъ бы отъ испуга. Спустя немного времени, растеніе приняло нормальное положеніе. Дефонтенъ велѣлъ на нѣсколько времени остановить карету. Едва экипажъ тронулся, мимоза снова закрыла листики, но въ скоромъ времени опять развернула

ихъ. Кромѣ движенія, говорилъ дядя, мимоза очень чувствительна и къ свѣту. При наступленіи ночи, листики ея закрываются,—это называется сномъ растенія. Ботаникъ Декандоль подвергалъ мимозу дѣйствию свѣта ночью и лишалъ ее свѣта днемъ. Сначала листики закрывались и открывались неправильно, но вскорѣ привыкли къ своему новому положенію и стали открываться при освѣщеніи вечеромъ и закрываться въ темной комнатѣ днемъ. Декандоль пробовалъ подвергать ее и дѣйствию непрерывнаго свѣта; сонъ и бодрствованіе шло своимъ порядкомъ, только продолженіе того и другого немного сократилось.

Я познакомлю васъ поближе и съ мухоловкой, говорилъ дядя, ее же называютъ и „Діонея“.

Родина Діонеи-мухоловки—Сѣверная Америка. Замѣтите, что ея круглыя листья, сидяція на широкомъ черешкѣ снизу растенія, похожи на полураскрытую книгу. Внутри, на каждой половинкѣ листка находится по три пурпуровыхъ какъ бы граненныхъ шипа, а края листьевъ имѣютъ форму тонкихъ зубчиковъ. Наверху стебелька распускаются прелестные бѣлые цвѣты. Какъ цвѣты, такъ и листы можете трогать, сколько угодно,—цвѣтокъ останется спокоенъ, но, если коснетесь хоть соломенкой до одного изъ пурпуровыхъ шиповъ, листъ мгновенно захлопывается, какъ книга, и только часа черезъ два снова раскроется. Если же насѣкомое коснется одного изъ шиповъ ножкой или хоботкомъ, обѣ половинки мигомъ захлопнутся, зубцы на краяхъ листьевъ скрестятся, какъ пальцы на рукахъ, и растеніе пожираетъ животное. Листья начинаютъ выдѣлять пищеварительные соки; подъ ихъ вліяніемъ мягкія части растенія растворяются, лишь только пища каснется его. По прошествіи одной или двухъ недѣль, листъ снова раскрывается и готовъ для новой добычи.

Мухоловка ѣсть не только насѣкомыхъ, но легко перевариваетъ сырое и жаренное мясо, кусочки яичнаго бѣлка, сыръ,

хрящи, смена растений; мучные же, жирные и сладкие вещества не есть. Только не надобно давать листочку слишком больших кусков, а то не переваренные кусочки портятся, и лист погибает.

Къ семейству мухоловокъ или насѣкомоядныхъ принадлежитъ и наша болотная Росянка. Росянка растетъ на блѣдно-зеленомъ мху торфяныхъ болотистыхъ мѣстъ. Листья ея круглы, усажены шипами, стелятся по землѣ внизу тонкаго стебля ярко-краснаго цвѣта, а на верху стебля расположены маленькіе, красивые, нѣжные, бѣлые цвѣточки. Когда свѣтитъ на нихъ солнышко, цвѣты Росянки распускаются, но лишь набѣжить на небѣ облачко, цвѣты Росянки свернутся и спрячутся въ зеленыя чашечки. Листья же переносятъ всякую непогоду: льетъ ли на нихъ дождь, вѣетъ ли вѣтеръ, они держатся спокойно, и на нихъ ярко красуются красныя шипы, съ крошечной какъ бы булавочной головкой, блестящей, прозрачной какъ капелька росы. Если какое нибудь насѣкомое, пролетая черезъ болото, прельстится этой капелькой и, думая напиться свѣжей водицы, прикоснется къ ней, такъ тотчасъ почувствуетъ, что что-то будто затаило его. На предательскомъ шипѣ блеститъ не росинка, а клейкая жидкость, въ которой вязнуть нѣжные члены насѣкомаго. Пробуя освободиться, насѣкомое все больше и больше вязнетъ; между тѣмъ шипы, которыми унизанъ листъ, медленно сдвигаются все ближе и ближе, вонзаются со всѣхъ сторонъ въ тѣло насѣкомаго, листъ свертывается и сжимаетъ свою добычу. Спустя дня два, листъ снова раскроется, и на немъ видны только поломанныя крылья, ножки и шкурка, а мягкія части съѣдены. Росинки нѣтъ; спустя нѣсколько часовъ, появляется новая росинка и опять готова ловить и пожирать новую жертву. Росянка очень распространена на всѣхъ торфяныхъ болотахъ. Ее можно вмѣстѣ съ мохомъ, въ которомъ сидятъ ея корешки, положить на тарелку, слегка поливать водой, чтобы поддерживать сырость, выставить на солнце и кормить маленькими насѣкомыми.

Обзоръ оранжерейныхъ растений и разговоры объ нихъ всегда приводили дядю въ прекрасное расположеніе духа. Послѣ этого онъ удерживалъ насъ въ своемъ кабинетѣ долѣе опредѣленнаго часа для сна, игралъ на гитарѣ, рассказывалъ о своей военной жизни, о товарищахъ, сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, о битвѣ подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ былъ сильно раненъ и поднятъ съ поля полумертвымъ; говорилъ, что и теперь временами раны даютъ себя знать, особенно пуля въ ногѣ, и что лучше всѣхъ лекарствъ ему помогаетъ баня да березовые вѣники. Мы пробыли у дяди до конца сентября. Передъ нашимъ отъѣздомъ онъ подарилъ Вадиму дорогую лошадь, по имени Персикъ, богатое двухствольное ружье и молодого башмачника. Мнѣ тысячу рублей серебромъ и двухъ дѣвушекъ. Онъ предложилъ мнѣ выбрать любимыхъ изо всей деревни. Всѣ дворовыя и горничныя дѣвушки были собраны въ мою комнату, иныхъ сопровождали матери съ умоляющими взорами и заплаканными глазами. Я всѣхъ ласкала, старалась успокоить родныхъ; однѣ были веселы и просили, чтобы я ихъ взяла къ себѣ; другія робко говорили: „воля ваша, матушка Татьяна Петровна, мы васъ знаемъ, обиды у васъ не будетъ, да со своими разстаться жалко“.

Дурная страница открывается въ моихъ воспоминаніяхъ, но и ее надобно внести въ нихъ. Въ этомъ сознаніи и наказаніе мнѣ, и отрадное чувство примиренія съ собою черезъ покаяніе.

Больше всѣхъ дѣвушекъ мнѣ понравилась единственная дочь у матери вдовы, и я указала на нее. Мать упала мнѣ въ ноги, дѣвушка рыдала. Я ихъ утѣшала, ласкала, дарила, общалась, что ей у меня будетъ лучше, чѣмъ въ деревнѣ, и дѣвушку удержала, и это не казалось мнѣ безчеловѣчнымъ! Такъ крѣпостное право, забираясь въ сердца, портило чистѣйшія понятія, давая возможность удовлетворять прихоти. Въ послѣдствіи я эту дѣвушку возвратила матери, но слезы, пролитыя ими при разлукѣ, легли мнѣ на душу.

— Что ты, дура, плачешь, утѣшали избранную домашніе. Благодари Бога, да молись за молодую барыню, Москву посмотришь.

Стоило ли молиться обо мнѣ!

Т. Лассекъ.



ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Изъ Нирица).



XV.

Неудача.

ЕРПЪ луны тускло мерцаль на облачномъ небѣ. Въ селеніи гуроновъ царствовала тишина. Шварць и Хехть были увѣрены, что сторожа ихъ спать непробудно и рѣшились поговорить между собой.

— Ты слышалъ, Хехть, началъ Шварць, что чей-то голосъ проговорилъ: „Господи Исусе!“ Кажется, это голосъ жены Эриха?

— Голосъ показался мнѣ знакомымъ, отвѣчалъ Хехть, но боюсь ошибиться, онъ слышался слишкомъ издалека. Знаешь ли, я придумалъ одну хитрость, чтобы узнать, дѣйствительно ли наши заключены въ пещерѣ. Я, будто бы нечаянно, разобью въ дребезги поющее дерево Инки, тогда краснокожіе, очарованные моею игрою, принесутъ мою скрипку,

если она у нихъ находится. Инкѣ же я сдѣлаю другую, лучше прежней.

— Слушай! сказала Шварцъ, и оба насторожили уши.

Затѣмъ, перешагнувши черезъ спящихъ поперегъ двери гуроновъ, вышли изъ хижины.

Въ ночной тишинѣ на воздухѣ они ясно слышали звуки скрипки.

— Такъ, такъ и есть, сказала Хехтъ, краснокожій владѣетъ моею скрипкой, онъ увидалъ, какъ я играю, и не могъ отказать себѣ въ наслажденіи сдѣлать провѣрку своего искусства.

— А гдѣ же нашъ медвѣдь? не случилось ли съ нимъ несчастья, сказала озабоченно Шварцъ.—Пожалуй гуроны угостятъ его такъ же, какъ мы угостили его отца.

Подождавши еще нѣсколько времени его возвращенія, они вошли обратно въ хижину и легли на свои мѣста. Наступила полночь. У дверей хижины послышался ревъ медвѣдя. Бѣлые мгновенно вскочили и бросились къ нему. Медвѣдь приближался ползкомъ и усердно махалъ передними лапами. Поселенцы поспѣшно послѣдовали за нимъ, медвѣдь привелъ ихъ къ знакомой пещерѣ. Дверь въ пещеру была завалена тяжелыми камнями. Медвѣдь началъ ихъ бойко отбрасывать, товарищи усердно помогали ему. Отваливши камни, они открыли дверь и по корридору пробрались въ пещеру. У Шварца были спички, онъ зажегъ лучинку и освѣтилъ дальнѣйшее отдѣленіе пещеры. Входъ туда былъ загроможденъ разнымъ хламомъ. Товарищи легко разбросали все и съ удивленіемъ увидали всѣ свои похищенныя вещи, какъ-то: платья, инструменты, постели, кухонныя принадлежности и пр. Пока Хехтъ разсматривалъ все это, Шварцъ подошелъ къ третьей пещерѣ, входъ въ которую былъ заваленъ еще болѣе. Медвѣдь проворно полѣзъ на стѣну; Шварцъ съ горящей во рту лучиной послѣдовалъ за нимъ и съ высоты стѣны бросилъ тоскующіе взоры въ глубину пещеры. Тамъ царствовалъ глубокой мракъ. Правой рукой

онъ схватилъ свѣтильникъ, наклонилъ его какъ можно ниже и увидалъ лежащую на сѣнѣ свою любимую жену: она была блѣдна, а глаза заплаканы. Она спала, обнявши дѣтей своихъ; дѣти спали крѣпкимъ сномъ, прижавшись къ матери. Ближе всѣхъ лежала его младшая дочь, малютка Лина. Тамъ же лежала и жена Эриха съ двумя дѣтьми своими. Шварцъ хотѣлъ радостнымъ крикомъ разбудить своихъ милыхъ, но побоялся, чтобы его внезапное появленіе не испугало ихъ. Онъ проворно спустился со стѣны и вмѣстѣ съ Хехтомъ и медвѣдемъ началъ живо отваливать каменья отъ дверей. Спустя нѣсколько минутъ, Шварцъ уже будилъ жену свою дрожащимъ отъ радости голосомъ. Проснувшись, она какъ ошеломленная смотрѣла на него. Когда же пришла въ себя, то не было конца восторгамъ и счастью. Дѣти какъ репейникъ прильнули къ отцу своему и осыпали его поцѣлуями. Хехтъ просьбами, а медвѣдь ворчаніемъ старались умѣрить ихъ радость. Медвѣдь вышелъ изъ пещеры и сталъ на стражѣ у входа.

Чтобы не тратить время въ пустыхъ разговорахъ и дать женщинамъ приготовиться къ побѣгу, Хехтъ съ горящею лучиной вернулся во вторую комнату. Тамъ, пересматривая похищенное добро, усердно бранилъ краснокожихъ. Когда плѣнники вышли изъ пещеры, медвѣдь побѣжалъ впередъ, безпрестанно оглядываясь, слѣдуютъ ли за нимъ бѣглецы. Младшія полусонныя дѣти замедляли шествіе. Тогда Шварцъ взялъ на руки младшаго сына, а Хехтъ—Мальхенъ, маленькую же Лину подхватилъ въ лапы подбѣжавшій медвѣдь. Дѣвочка, увидавши себя во власти страшнаго животного, закричала что есть духа. Другія дѣти, считая Лину погибшей, стали кричать еще сильнѣе. Взрослые оцѣпенѣли отъ ужаса; они пустились бѣжать скорѣе, но было уже поздно. Весь лагерь гуроновъ поднялся, въ воздухѣ раздались зловѣщіе крики и поразили бѣглецовъ смертельнымъ ужасомъ. Спустя минуту, ихъ догнала толпа кричавшихъ гуроновъ и, перевязавши всѣхъ, повалила на землю. Мед-

вѣдя, старавшагося освободить Хехта отъ объятій трехъ дикарей, постигла та же участь; послѣ сильнаго сопротивленія, онъ принужденъ былъ сдаться. Бѣглецы лежали другъ подлѣ друга, и дѣтскій плачь мѣшался съ плачемъ матерей. Вскорѣ принесенные факелы освѣтили эту ужасную картину. Гуроны, увидавши всѣхъ своихъ жертвъ въ цѣлости, закричали отъ радости. Но вскорѣ восторгъ ихъ перешелъ въ удивленіе: вмѣсто медвѣдя, лежащаго съ распоротымъ брюхомъ, они увидали одного изъ земляковъ своихъ. — Вотъ такъ чудо! говорили они, когда вмѣсто внутренности медвѣдя показалось пестрое ситцевое платье. Двое изъ гуроновъ принялись разрывать на немъ шкуру. Вскорѣ показались человѣческія ноги и руки, а затѣмъ передъ гуронами, пришедшими въ сильнѣйшее изумленіе, блеснулъ дерзкій взоръ Инки. Въ одно мгновеніе двадцать палицъ замелькали надъ головой юноши, и десятки ножей заблестали передъ глазами его. Но ни одна черта лица его не измѣнилась и ни одно слово не слетѣло съ устъ его. Въ темныхъ глазахъ сверкали смѣлость и презрѣніе. Гуроны еще долго испытывали мужество Инки; онъ устоялъ, и враги его почувствовали себя побѣжденными.

Инка и всѣ плѣнные были отведены въ пещеру, гдѣ ихъ и оставили размышлять объ ожидающей ихъ участи.

XVI.

У ж а с ы.

На другой день, послѣ обѣда, начальникъ гуроновъ собралъ всѣхъ въ сборную хижину; дѣло шло о судьбѣ плѣнныхъ. Ихъ приговорили къ ужасной казни. На площади воздвигнуты были три столба, къ нимъ должны были быть прикованы три плѣнника; столбы эти обложили дровами. Несчастныхъ присудили изжарить на медленномъ огнѣ. Краснокожіе съ восторженными криками стругали деревянные гвоз-

дики, чтобы запускать ихъ подъ ногти на рукахъ и на ногахъ плѣнниковъ. Женщины топили древесную смолу, чтобы капать на обнаженные члены бѣлыхъ. Мущины обнажали ножи и въ восторгѣ махали по воздуху палицами. Шварцъ, узнавши ожидающую его участь, перепугался. Трепещущимъ голосомъ онъ старался образумить гуроновъ, говорилъ о наказаніи свыше, за невинно пролитую кровь, ссылался на рекомендательныя письма ихъ начальства и на ожидающее ихъ мщеніе, обѣщалъ значительный выкупъ за освобожденіе. Отвѣтомъ ему былъ язвительный смѣхъ. Неотступныя просьбы Шварца оскорбляли слухъ Инки, и Инка сказалъ ему:—неужели мой бѣлый братъ думаетъ, что можно обратить волка въ ягненка; слезами онъ только увеличиваетъ торжество гуроновъ. Гуроны—собаки; Могиканъ смѣется надъ ихъ пытками; они храбры только передъ скованными женщинами и дѣтьми.

Крикъ мщенія раздался въ отвѣтъ на слова Инки, и оружія снова заблестѣли надъ головой его, но онъ до того удвоилъ свое презрѣніе къ гуронамъ, что они стали придумывать, какое бы еще изобрести для него мученіе, и съ наслажденіемъ описывали плѣннымъ придуманныя для нихъ пытки. Пока все это происходило, бѣлые трепетали, думая объ ожидающихъ ихъ страданіяхъ. Шварцъ лишился чувствъ. Семейство бѣлыхъ было приведено на площадь, чтобы быть свидѣтелями казни; ихъ страшные крики привели Шварца въ чувство. Жена Шварца, при видѣ страшныхъ приготовленій, упала въ обморокъ; скованныя дѣти рвались къ родителямъ. Хехтъ, и передъ казнью не утратившій веселости, отъ столба кричалъ дикарямъ: такъ-то вы благодарите меня за то, что я веселилъ сердца вами поющимъ деревомъ, дураки! не слышать вамъ больше во всю вашу жизнь такой музыки. Я бы даромъ давалъ вамъ уроки музыки и сверхъ того подарилъ бы вамъ скрышку Инки, и каждому сработалъ бы по поющему дереву.

Дикарь съ факеломъ въ рукѣ подошелъ къ столбу, къ которому былъ прикованъ Инка. При видѣ вѣстника смерти,

Инка устремилъ пронизательный взоръ на товарищѣй и кроткимъ, мелодическимъ голосомъ запѣлъ пѣснь смерти. Въ этой пѣснѣ онъ рассказывалъ, сколько убилъ волковъ, медвѣдей, тигровъ и враговъ, сколько кожъ снималъ съ головъ ихъ. Затѣмъ обратился къ отцу своему, въ трогательныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за данную ему жизнь и воспитаніе, торжественно простался съ нимъ и поручалъ ему отомстить за него; наконецъ, кроткій голосъ его перешелъ въ громовую брань враговъ его. Онъ обзывалъ ихъ самыми бранными названьями и язвительно осмѣивалъ приготовленныя ими мученія. Гуроны слушали его безмолвно и внимательно.

Когда онъ кончилъ, раздались страшныя крики мщенія. Одинъ изъ предводителей обратился къ Шварцу и спросилъ его, не хочеть-ли и онъ пропѣть свою пѣснь смерти,—но Шварцу было не до пѣнія.

Сумасшедшіе! ворчалъ про себя Хехтъ; пѣлъ вамъ вчера пѣснь невѣсты, а сегодня — благодарю, поживете и безъ пѣсень!

Шварцъ, не видя ни отъ куда спасенія, отвелъ взоры отъ открывавшихъ его предметовъ возвелъ ихъ на голубое небо, на плывущія въ высотѣ бѣлыя облачка, и всѣми чувствами устремился къ Отцу небесному съ жаркой молитвою, просилъ объ отпущеніи грѣховъ и о скорой смерти, а жену и дѣтей поручалъ его милосердію и покрову.

Гуроны, хотя ни слова не понимали изъ словъ Шварца, но почтительно слушали торжественную молитву.

Молитва Шварца произвела глубокое впечатленіе и на веселаго Хехта. Я докажу краснокожимъ, что и бѣлыя обладають силою духа—и твердымъ голосомъ пропѣлъ священный гимнъ.

Подъ ногами Инки показалось пламя. Молодой индѣецъ твердымъ шагомъ совершалъ свое послѣднее шествіе. Вблизи него сверкнулъ факель. Сердце едва билось у Шварца; „Господи избавь меня отъ страшныхъ мукъ“, молилъ онъ.

Вдругъ воздухъ огласился страшными криками, послы-

шавшихся со стороны лѣса, гдѣ находились Эрихъ и Мянто. Гуроны отвѣтили имъ веселымъ отзывомъ. Шумъ приближался. Живо было потушено яркое пламя, вспыхнувшее подъ ногами плѣнныхъ, и большинство дикарей отправилось на встрѣчу къ землякамъ, возвращавшимся съ грабежа съ большой добычею. Они гнали передъ собою стада покраденной скотины, навьюченной различной поклажею. Разсматривая новую добычу, гуроны отложили казнь плѣнныхъ, чтобы сдѣлать это зрѣлище всеобщимъ, и стали дѣлить награбленное, вмѣстѣ съ пожитками переселенцевъ.

Принесенъ былъ и боченокъ съ ромомъ Хехта — боченокъ этотъ сдѣлался яблокомъ раздора. Даже дѣти и женщины просили огненной воды. Начальникъ племени сталъ дѣлить шипящій напитокъ порціями народу, расположившемуся на травѣ. Дѣлежъ продолжался до вечера.

Плѣнники спокойно стояли у столбовъ своихъ. Когда Хехтъ увидалъ, что гуроны притащили ромъ, въ который онъ подлил опиума, то у него блеснулъ лучъ надежды. Насладившись водкой, дикари сдѣлали кругъ и пустились бѣшено вертѣться и плясать.

Опиумъ, прибавленный въ ромъ, мало по малу началъ дѣйствовать. Кто падалъ, тотъ не вставалъ и засыпалъ какъ мертвый. Женщины и дѣти не могли держаться на ногахъ и валились на траву. Ряды краснокожихъ становились все рѣже и рѣже, и уста невольно смыкались. Точно блестящій серпъ покосилъ ихъ всѣхъ, какъ спѣлые колосья. Плѣнники пришли въ восторгъ; они увидали возможность убѣжать, лишь бы освободить отъ веревокъ руки, прикрученныя къ спинѣ.

Жена, воскликнулъ Шварцъ, помоги мнѣ!

— Не могу шевельнуться, отвѣчала она; руки и ноги связаны. Также связаны руки и ноги дѣтей и жены Эриха — нѣтъ намъ спасенья!

Шварцъ поднялъ молящій взоръ къ звѣздному небу. — Умилосердися, Создатель, сказалъ онъ, пошли ангела изба-

вителя. Тебѣ возможно все, Тебѣ возможно помочь и тамъ, гдѣ нѣтъ никакой надежды. Вслѣдъ за Шварпомъ начали молиться женщины и дѣти. Ночь становилась все темнѣе и темнѣе. Слезы несчастныхъ катились жарче, а надежда становилась слабѣе. Они падали духомъ. Блуждающіе взоры ихъ тонули въ далекой, безмолвной тиши. Полумѣсяць закатывался на темносинемъ небосклонѣ, а надежда гасла въ сердцахъ плѣнниковъ.

Наступала полночь. Вдругъ кто-то, неслышными, но скорыми шагами приблизился къ нимъ. Лице его не сіяло; одежда не была бѣлѣе снѣга; на плечахъ не было крыльевъ. Онъ казался чернѣе ангеловъ тьмы. Это былъ Міанто.

— Ухъ! сказалъ Инка, когда цѣпь, приковывавшая его къ столбу, упала и руки освободились отъ веревки, и молча бросился въ объятія отца. Затѣмъ они оба подошли къ другимъ плѣнникамъ, но Эрихъ уже освободилъ ихъ.

— Благодареніе Господу Богу! говорила Маріанна, обнимая мужа.

Дѣти нѣжнѣе, чѣмъ когда нибудь, прижимались къ отцу.

— Времени терять некогда, увѣщевали они другъ друга— надобно торопиться и запастись оружіемъ. Оружія лежало кругомъ нихъ множество. Бѣжать имъ было трудно: пробывши въ оковахъ цѣлыя сутки, члены ихъ какъ бы законченѣли. Страхъ скоро возбудилъ въ нихъ такую живость, что, пустившись въ побѣгъ, они старались перегнать одинъ другаго.

Къ удивленію переселенцевъ, Міанто повелъ ихъ потому же направленію, по которому пришли гуроны съ новымъ награбленнымъ добромъ, и только впоследствии узнали цѣну этой предусмотрительности,

XVII.

Бѣгство.

Бѣглецы шли скоро и молча, не смотря на то, что о многомъ бы желали переговорить другъ съ другомъ. Ночь была

темная и показалась еще мрачнѣе, когда они вступили въ лѣсъ, такой дремучій, что только руководимые Міянто могли изъ него выбраться. Прислушиваясь къ самомалѣйшему шороху, они пугались шаговъ своихъ, старались ступать какъ можно легче, чтобы не оставалось знаковъ.

Опасность была велика. Всѣ были измучены, утомлены усталостію, страхомъ и голодомъ, сверхъ того дѣти замедляли побѣгъ.

Наконецъ бѣглецы остановились отдохнуть немного въ непроницаемомъ кустарникѣ. Краснокожіе, на которыхъ не замѣчалось и слѣда усталости, расположились въ недалекомъ разстояніи на стражѣ.

— Ухъ! вдругъ вскрикнулъ Инка. У бѣглецовъ кровь застыла въ жилахъ. Ужъ не гуроны-ли! Всѣ поблѣднѣли и схватились за оружіе; дрожащіе дѣти жались къ матерямъ.

Ухъ! вскрикнулъ Міянто и, просунувши сквозь кусты голову, сказалъ весело:

— Бѣлые идутъ.

— Какъ? наши! громко вскрикнулъ Шварцъ. Не гуроны?

— Нѣтъ не гуроны, отвѣчалъ Міянто. Вѣроятно, бѣлые идутъ отомстить гуронамъ за послѣднее нападеніе. Ява съ повель этой дорогой потому, что гуроны не будутъ слѣдить за нами по этому направленію.

Вдругъ раздался сильный голосъ на нѣмецкомъ языкѣ — сюда товарищи! здѣсь краснокожіе! стрѣляйте въ этихъ собакъ! мгновенно кустарникъ былъ окруженъ; двадцать ружей показались сквозь вѣтви — общій крикъ бѣглецовъ вывелъ изъ заблужденія пришельцевъ. Пришельцы были разорены гуронами и горѣли нетерпѣніемъ отомстить и возвратить свои пожитки. Оба могикана раздѣляли ихъ стремленіе и предложили руководить ихъ.

— Смотрите, сказалъ Міянто, раскрывъ свой карманъ, биткомъ набитый кремнями, — ружья гуроновъ—все равно, что камыши: Міянто повиытаскалъ кремни изъ ихъ ружей. Поэтому онъ и промедлилъ въ ихъ селеніи.

— Мои бѣлые братья не собьются съ пути и придутъ въ обитаемое мѣсто, если пойдутъ по слѣдамъ неосторожныхъ товарищей, и получатъ все свои вещи вмѣстѣ съ головами враговъ своихъ.

— Очень благодаренъ за такой подарокъ, сказалъ шутливо Хехтъ. Я буду доволенъ, если получу свои медвѣжью шкуру и скрипку.

Когда могиканы удалились, Эрихъ сталъ на колѣна и торжественнымъ голосомъ произнесъ благодарственную молитву. Вслѣдъ за нимъ со слезами молились дѣти и взрослые. Окончивъ молитву, переселенцы сѣли на траву, сѣли по куску хлѣба и жареннаго мяса и напились прохладной воды изъ ближайшаго источника. Никогда завтракъ не казался имъ такъ вкусенъ.

— Ахъ, сказала жена Эриха, никогда не забуду ужасовъ этого нападенія.

— Мнѣ было еще ужаснѣе, прервала ее жена Шварца, когда бѣдный мужъ мой былъ прикованъ къ столбу, и я не могла помочь ему.

— Это вѣрно, воскликнулъ Шварцъ, ты, Эрихъ, былъ счастливѣе насъ.

— Нѣтъ, живо возразилъ Эрихъ, я выстрадалъ столько же, сколько и вы; я пережилъ все ваши муки не имѣя возможности ни освободить васъ, ни умереть вмѣстѣ съ вами: желѣзная рука Міанто удерживала меня.

— Вѣроятно, теперь индѣйцы насъ долго не будутъ тревожить. Если бы мнѣ удалось до зимы подвести мое жилище подъ крышу, мы опять помѣстились бы вмѣстѣ.

Эрихъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего пріятеля и сказалъ:

— Неужели ты говоришь серьезно? неужели хочешь остаться здѣсь?

— А то какъ же? сказалъ Шварцъ. Какъ же иначе прожву я съ моимъ семействомъ?

— Ну Шварцъ, замѣтилъ Эрихъ, я счастливѣе тебя. У меня есть ремесло, мое благородное столярное ремесло: я прокормлю имъ мое семейство. Милая Маріанна, ты, вѣроятно съ удовольствіемъ возвратишься на родину? тамъ нѣтъ ни тигровъ, ни медвѣдей, ни гремучихъ змѣй, ни индѣйцевъ. Тамъ мы можемъ жить спокойно и въ довольствѣ, подъ защитой нашего правительства, среди друзей и родственниковъ. Тамъ все не далеко: и церковь, и школа для дѣтей, и булочная, и зеленная, и иголки, и нитки, большой рынокъ и аптека, газеты, гостиницы, театры, кегли, стрѣльба въ цѣль, биллиардъ, карусели... Да здравствуетъ отечество!

Маріанна съ радостными слезами бросилась на шею мужа, говоря:—О! поспѣшимъ на родину!

Эмиль, Мальхенъ и Хехтъ радовались вмѣстѣ съ нею.

Съ освѣженными силами, весело разговаривая, переселенцы приближались къ городку, гдѣ оставались сыновья Эриха и Шварца.

Эрихъ сталъ искать покупателя на свои земли, а Шварцъ приступилъ къ постройкамъ на погорѣломъ мѣстѣ.

Спустя нѣсколько дней, Міанто и Инка возвратились съ побѣдой изъ похода противъ гуроновъ и пригнали коровъ Шварца, навьюченныхъ большей частію имущества переселенцевъ. Хехту возвращена была медвѣжья шкура и скрипка.

Вскорѣ нашелся хорошій покупатель на землю Эриха. Не долго думая, онъ все продалъ и началъ приготовляться къ отъѣзду на родину.

Грустно простились они съ семействомъ Шварца, съ Міантой и Инкой, и отправились въ Нью-Йоркъ.

По дорогѣ имъ встрѣтилось множество негровъ-невольниковъ, бѣжавшихъ съ плантанцій, которыхъ владѣльцы преслѣдовали съ оружіемъ въ рукахъ.

Только что пріѣхавшій изъ Англіи проповѣдникъ говорилъ въ своей проповѣди, что негры такіе же люди, какъ и бѣлые, и должны быть свободны такъ же, какъ и другіе народы. Негры слушали проповѣдника съ благоговѣніемъ и по-

няли справедливость словъ его. Это раздражило бѣлое населеніе города—освобождая негровъ, они теряли своихъ, дорого купленныхъ невольниковъ. Чтобы остановить въ самомъ началѣ слѣдствія проповѣди, проповѣдника забросали камнями, а негровъ проучили убійствами и пожаромъ.

— И это тѣ американцы, горько сказала Эрихъ, которые когда-то считали свободу священнымъ правомъ всего человечества и, съ оружіемъ въ рукахъ, стремились свергнуть иго Англии. Идемъ, дѣти, скорѣе, продолжалъ Эрихъ: мнѣ страшно въ свободной Америкѣ!

Въ Нью-Йоркѣ у Эриха родилась дочь, замѣнившая Матильду.

— Да здравствуетъ маленькая Американка, весело говорилъ Эрихъ, мы назовемъ ее Міанто, въ память благороднаго могикана.

Такъ и сдѣлали. Ребенка окрестили въ Нью-Йоркѣ и назвали Міанта-Матильда.

Какъ скоро здоровье Маріанны позволило, они сѣли на корабль и благополучно прибыли въ Бременъ. Радостно привѣтствовали они берега своего отечества и еще радостнѣе—башню своего города. Всѣ были тронуты до слезъ и обнимали другъ друга.

Вѣсть о прибытіи переселенцевъ мигомъ облетѣла весь городъ, но Эрихъ, прежде нежели посѣтилъ родныхъ и друзей своихъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ Хехтомъ отправился въ храмъ Божій и принесъ молитву за счастливое возвращеніе на родину. Затѣмъ онъ вынулъ изъ думы часть удержаннаго думою его состоянія, откровенно сознался согражданамъ въ своей ошибкѣ и обѣщалъ вѣрный рассказъ о своемъ переселеніи, чтобы предостеречь каждого отъ подобной участи. Множество пріятелей и знакомыхъ окружили его и слушали съ глубокимъ вниманіемъ и любопытствомъ его похождения въ Америкѣ.

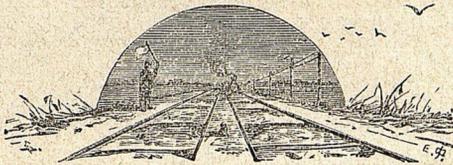
Съ этого времени не было гражданина трудолюбивѣе, старательнѣй и довольнѣе Эриха.

Еще счастливѣе чувствовала себя Маріанна, въ кругу родныхъ, друзей, въ средѣ своей прежней дѣятельности. Маленькая американка Міанта-Матильда вполне утѣшила своихъ родителей въ утратѣ Матильды.

Хехтъ по прежнему игралъ на скрипкѣ, и такъ неутомимо столярничалъ вмѣстѣ съ Эрихомъ, что скоро переселеніе ихъ окупилось.

Дѣти Эриха почувствовали цѣну родного лѣса, земляники, малины, ежевики и черники, сравнивая ихъ съ лѣсами Америки, которые кишатъ не только что обезьянами и попугаями, но также змѣями, львами и медвѣдями.

Л. Ловягина.



ВЕЧЕРЪ.



ВЪ НЕБѢ блистаетъ надъ чащей лѣсной
Яркое пламя заката;
Послѣ тревогъ и заботы дневной
Сномъ вся деревня объята...
Шепчутся листья Богъ знаетъ о чемъ,
Рѣчка шумитъ подъ горою,
Рожь наливается въ полѣ зерномъ,
Дремлетъ склонясь надъ межою,
И надъ болотомъ, какъ сизый дымокъ,
Волны тумана клубятся...

Въ окнахъ деревни погасъ огонекъ—
Черныя тѣни ложатся.

С. Дрожжинъ.



ВЪ МИРЪ ИСКУССТВЪ.

(Скульптура или ваяніе).



VII.

В XIII-го вѣка начинается самостоятельное развитие готического стиля. Онъ прежде всего проявляется во Франціи, скульптура которой при этомъ развивается съ удивительнымъ успѣхомъ, сплошь украшая порталы церквей превосходными ваятельными работами, какія видимъ, въ наружныхъ отдѣлкахъ нѣкоторыхъ частей парижскаго собора (Notre Dame de Paris), Шатрскаго и Амьенскаго. Постепенно совершенствуясь, камневаяніе начинаетъ подвергаться все болѣе строгимъ законамъ. Болѣе прежняго обращаютъ вниманіе на эффектъ въ даль, на то, какова выйдетъ такая-то вещь, разсматриваемая съ разныхъ сторонъ, сверху внизъ и пр. Надгробныя статуи, прежде обыкновенно посвящавшіяся однѣмъ высочайшимъ особамъ, стали постепенно принадлежностью всѣхъ сословій. Особенную цѣну придаетъ имъ вѣрное изображеніе костюма. Фигура стави-

лась, по большей части, въ видѣ творящаго молитву или положена со скрещенными руками, какъ покойникъ.

Особенный родъ скульптурныхъ произведеній, представлявшійся прежде въ самой незатѣливой обдѣлкѣ, дѣлается болѣе разнообразнымъ. Каменные кресты, которые ставились при дорогахъ, украшаются множествомъ фигуръ, представляя иногда цѣлыя скульптурныя Голгофы.

Въ началѣ XV вѣка является во Франціи, при дворѣ Филиппа Смѣлаго, въ Бургундіи, замѣчательный мастеръ по имени Кло Слютеръ. Памятникъ его работы, которымъ украшенъ такъ называемый „Моисеевъ колодезь“ Картезіанскаго монастыря въ Дижонѣ, содержитъ въ себѣ фигуры разныхъ вѣтхозавѣтныхъ лицъ, замѣчательныя торжественнымъ и вмѣстѣ нѣжнымъ характеромъ готическаго стиля. Но лучшимъ его созданиемъ считается находившійся прежде тоже у картезіанцевъ, а теперь хранящійся въ Дижонскомъ музеѣ, могильный памятникъ герцога Филиппа Смѣлаго, оконченный племянникомъ его Кло де Верне; памятникъ этотъ считается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ монументовъ средневѣковаго искусства.

Въ Германіи, въ числѣ множества скульптурныхъ работъ, украшавшихъ церкви, можно указать на изваянія Кельнскаго собора, въ которыхъ, поблизости къ Франціи, видно ея вліяніе, почему и работы эти носятъ въ себѣ болѣе вкуса, чѣмъ тяжелыя созданія чисто нѣмецкой фантазіи. Далѣе, замѣчательны изваянія соборовъ Майнцаго, Вормскаго и Страсбургскаго. Въ Нюрнбергѣ, въ началѣ второй половины XIV вѣка, славился замѣчательный скульптуръ Зебальдъ Шонгоферъ.

Изъ безчисленныхъ надгробныхъ камней этого періода особенно выдаются, по содержанію и по художественной обработкѣ, рядъ епископскихъ монументовъ въ Майнцскомъ соборѣ. Вполнѣ круглыми дѣлались тогда только тѣ гробничныя статуи, которыя сколько нибудь возвышались надъ землей, помѣщаясь или въ стѣнной нишѣ, или на низенькихъ

опорахъ, или просто лежа на гробницѣ, или, наконецъ, стоя прямо у стѣны. Для тѣхъ же, которыя опускались въ уровень съ почвой и слѣдовательно могли быть попираемы неосторожной ногой, была въ ходу обдѣлка въ родѣ барельефной; иногда же ограничивались просто линейными рисунками, которые позже замѣнились рѣзными металлическими надгробными плитами.

Дорогіе металлы и въ этотъ періодъ искусства употреблялись не для одной перковной утвари, но особенно для ракъ и мощехранительныхъ ковчеговъ. Часто надъ небольшими раками возвышалась золотая башня, чисто готическаго стиля, со шпильями и башнями. Были тоже употребительны и косторѣзные работы. Издѣлія такого рода особенно употреблялись для украшеній малыхъ, переносныхъ престоловъ (алтарей).

Итальянское искусство XIII вѣка, принявъ готическій стиль сѣвера, представляло что-то отдѣльное, самобытное, показавъ цѣлую исторію художниковъ и художествъ, въ которыхъ проявилось болѣе свободной, своеобразной фантазіи, какъ въ постановкѣ фигуръ, такъ и въ ихъ отдѣльной обработкѣ. Еще болѣе отличія отъ сѣверной скульптуры проявлялось у итальянцевъ въ преобладаніи бѣлаго мрамора. Въ странахъ же бѣдныхъ мраморомъ, какъ въ Романьи и Ломбардіи, появляются надъ престолами или по нишамъ многочисленныя группы изъ жженой и не жженой глины. Изъ благородныхъ металловъ работались иногда большіе алтарные кивоты и раки. Бронза же была въ маломъ употребленіи.

Изъ замѣчательныхъ скульпторовъ половины XIII вѣка Джовано Пизано, отличавшійся энергіей и натуральностью изображеній. Кромѣ превосходныхъ работъ по фасаду Орвіѣтскаго собора, замѣчательны его скульптуры въ церкви св. Андрея въ Пистойѣ и изящныя статуя Мадонны надъ южной дверью Флорентійскаго собора. Также Джіото, трудившійся надъ многочисленными скульптурными работами украшающими колокольню Флорентійскаго собора; Андреа

Пизано, изъ работъ котораго удивительныя бронзовыя двери, сдѣланныя для баптистеріи Санъ-Джовани во Флоренціи, представляющія въ 28 толяхъ сцены изъ жизни Іоанна Крестителя, и въ восьми — аллегорическія фигуры главныхъ добродѣтелей. Николо ди Пьетро Ламберти, изъ лучшихъ произведеній котораго можно назвать изображенія Матери Милосердія (Покровъ Богородицы), подъ порталомъ церкви Мизерикордія, въ Ареццо, и сидячую статую св. Марка, во Флорентійскомъ соборѣ. И, наконецъ, Андреа ди Чоне, прозванный Орканья.

Главнымъ созданіемъ его былъ алтарный кивотъ въ Оръ-Санъ Микеле во Флоренціи, богато украшенный изображеніями ангеловъ и пророковъ, нѣкоторыми аллегорическими фигурами и особенно сценами изъ жизни Пречистой Дѣвы. Здѣсь готическій стиль развергивается самымъ благороднымъ образомъ, доходя до высокой граціи, преимущественно въ вознесеніи Богоматери на небо. Кромѣ этихъ работъ ему приписываютъ часть скульптуръ на построенной имъ галлерей Лоджа да Лаици во Флоренціи, — именно: Мадонну и аллегорическія фигуры добродѣтелей.

Новая эпоха для скульптуры начинается съ XV вѣка и прежде всего проявляется въ Италіи.

Оставивъ сухіе формы средневѣковой готической скульптуры, итальянцы снова вернулись къ древнимъ образцамъ и стали примѣнять ихъ красивыя величавыя формы къ своимъ современнымъ произведеніямъ, давая имъ еще болѣе свободы.

Изъ важнѣйшихъ скульпторовъ того времени въ Италіи — Лоренцо Гиберти, изъ Флоренціи. Работы его всѣ состоятъ изъ бронзовыхъ произведеній, такъ какъ онъ прежде всего посвятилъ себя золотыхъ дѣлъ мастерству. Раннія его работы еще носятъ отпечатокъ готическаго стиля; затѣмъ онъ поддается вліянію древнихъ образцовъ, которое и придаетъ столько граціи его позднѣйшимъ произведеніямъ. Важнѣйшими изъ его работъ считаются брон-

зовыя двери къ одному изъ боковыхъ порталовъ флорентійской баптистеріи. Рельефы дверей содержатъ въ себѣ двадцать новозавѣтныхъ изображеній и сверхъ того лики евангелистовъ и пророковъ. Во время этой мѣшкатной работы, онъ исполнилъ еще нѣсколько большихъ бронзовыхъ статуй, для наружнаго и внутреннаго украшенія церквей; а по окончаніи этихъ дверей, получилъ заказъ для дверей главнаго портала баптистеріи, которыя исполнилъ такъ художественно, что въ позднѣйшія времена знаменитый Микель-Анджело сказалъ про нихъ, что онѣ достойны быть вратами рая.

Кромѣ Гиберти, изъ замѣчательныхъ флорентійскихъ скульпторовъ XV вѣка о Донато ди-Бетто Барди или Донателло и Филиппо Брунеллески.

Начало и первая десятилѣтія XVI вѣка довели новую скульптуру до вершины ея развитія. Какъ и въ XV вѣкѣ, лучшими мастерами явились флорентійцы.

Первымъ изъ нихъ называютъ Джіовани Франческо Рустичи, произведенія котораго отличаются высокимъ благородствомъ стиля, жизненной свободой и спокойной величавостью фигуръ. На образованіе Рустичи имѣлъ большое вліяніе его соученикъ, знаменитый Леонардо да-Винчи*), который хотя и отличался какъ великій живописецъ, но трудился и надъ другими отраслями искусствъ. По части ваянія, особенно хвалятъ его модель колоссальной конной статуи Франциска Сфорцы, изготовленную въ Миланѣ. Но до насъ не дошло ни это, и никакое другое скульптурное произведеніе этого художника.

Но самымъ замѣчательнымъ скульпторомъ этого времени былъ знаменитый Микель-Анджело (о которомъ, какъ объ архитекторѣ, мы уже говорили въ первыхъ статьяхъ). Столь же сильный въ скульптурѣ, какъ и въ живописи, онъ отличался замѣчательной энергіей, силой и выразительностью

*) О немъ поговоримъ подробнѣе въ отдѣлѣ итальянской живописи.

всѣхъ своихъ произведеній. Не даромъ же у его современниковъ составилось убѣжденіе, что мраморъ дрожалъ отъ страха, когда Микель-Анджело приближался къ нему, со своимъ молотомъ.

Къ первымъ его, юношескимъ работамъ, исполненнымъ подъ вліяніемъ кроткаго вѣяніе искусства во Флоренціи, принадлежатъ очаровательный ангель, въ церкви св. Доминика въ Болоньѣ, и два рельефныхъ изображенія Святой Семьи, не совсѣмъ оконченныя — одно въ лондонской академіи, а другое — въ флорентійскомъ музеѣ. Затѣмъ слѣдуетъ превосходная группа Богоматери, съ бездыханномъ тѣломъ Христа, сдѣланная имъ на 25 году жизни и находящаяся въ храмѣ св. Петра въ Римѣ. Не вычисляя всѣхъ замѣчательныхъ работъ рѣзца Микель-Анджело, упомянемъ объ его Моисеѣ, находящемся въ церкви „св. Петра въ узахъ“ въ Римѣ; затѣмъ о двухъ надгробныхъ памятникахъ: Джуліано ди-Медичи и герцога урбинскаго Лоренцо, находящихся въ ризницѣ храма Сан-Лоренцо во Флоренціи. Статую Лоренцо, сидящаго въ глубомъ размысленіи и потому прозванную итальянцами „Думою“ (*il pensiero*) — считаютъ однимъ изъ лучшихъ произведеній Микель-Анджело; и, наконецъ, о превосходнѣйшей статуѣ возставшаго изъ гроба Христа, въ церкви Санта Марія сопра-Минерва, — въ Римѣ.

Изъ послѣдователей Микель-Анджело можно назвать Бенвенуто Челлини. Хотя онъ собственно былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ, но работалъ и надъ другаго рода произведеніями, часто даже колоссальныхъ размѣровъ. Долго пробылъ онъ во Франціи, вызванный туда Францискомъ I, гдѣ онъ сдѣлалъ много изящныхъ работъ, но отъ серебряныхъ статуй во весь ростъ, сдѣланныхъ имъ для Франциска, также какъ и отъ громадной модели Марса, голова которой употреблялась вмѣсто спальни — не осталось никакихъ слѣдовъ. Изъ работъ, сдѣланныхъ имъ позже въ Италиі, можно указать на бронзовую статую Персея, въ ложѣ де-Ланци во Флоренціи.

Чѣмъ далѣе къ XVII вѣку, тѣмъ болѣе скульпторы, оставивъ строгій величавый стиль Микель-Анджело, стали гнаться за манерностью, за желаніемъ произвести хотя минутный эффектъ; но и тутъ появлялись замѣчательные мастера, какъ Джовани де-Болонья, изъ произведеній котораго можно назвать: похищеніе сабинянокъ, въ Ложѣ де-Ланци, и знаменитаго, летящаго по вѣтру Меркурія въ Палаццо Уффицы (оба во Флоренціи); а затѣмъ, уже около XVII вѣка, одинъ изъ знаменитѣйшихъ скульпторовъ, Тосканецъ Лоренцо Бернини, сильный и выразительный талантъ котораго помогъ ему достичь высокаго значенія, тѣмъ болѣе, что онъ сдумѣлъ примѣнить свой даръ къ господствующимъ стремленіямъ той эпохи и удачно выразить ихъ въ мраморѣ. Самое большое число его работъ находится въ Римѣ, какъ напримѣръ, могучія фигуры: Константина на конѣ—въ Ватиканѣ, и Лонгина—въ церкви Петра; св. Тереза—въ Санта Марія делла-Викторія и пр.

IX.

Обратившись къ сѣвернымъ странамъ, увидимъ, что въ XV вѣкѣ въ Германіи царствовалъ еще вполне въ скульптурѣ готическій стиль; затѣмъ, позднѣе, поддаваясь тоже стилю возрожденія, и тамъ появились болѣе живые образцы, надъ которыми трудились талантливые мастера, какъ Адамъ Крафтъ.

Онъ преимущественно работалъ въ Нюрнбергѣ. Изъ его работъ замѣчательны: рельефы изъ исторіи Страстей Христовыхъ и нѣсколько рельефовъ, представляющихъ нѣкоторыя сцены изъ жизни Пресвятой Богородицы.

Но еще болѣе, чѣмъ камне-ваяніе, въ эпоху XV и XVI вѣковъ, въ Германіи было въ употребленіи древо-ваяніе. По преимуществу это были большіе напрестольники, покрытые внутри росписной и вызолоченной рѣзбой, а снаружи—сплошной одеждою изъ настоящихъ иконъ, часто размѣ-

ценныхъ по нѣсколькимъ складнымъ крыльямъ или створамъ. Все устройство ихъ было такое, что къ отдѣлкѣ надобно было примѣнять и скульптуру, и живопись. Такія алтарныя украшенія всего ранѣе появились въ верхней Германіи, преимущественно въ Швабіи. Отличными рѣзчиками иконъ были: Михайль Вольгемуть и Вейтъ Штоссъ, изъ Кракова.

Въ бронзовыхъ работахъ этого времени особенно отличалось семейство Фишеровъ въ Нюрнбергѣ, украсившее своими произведеніями многіе германскіе соборы, какъ напримеръ: Магдебургскій, Бамбергскій, Эрфуртскій и другіе.

При этомъ необходимо упомянуть и о продолжавшемся еще производствѣ тѣхъ рѣзныхъ бронзовыхъ надгробныхъ плитъ, которыхъ большое число сохранилось изъ этого періода въ Германіи, Франціи, Англии и другихъ странахъ, но работа которыхъ уступаетъ строгости стиля и изящества работъ такого же рода, принадлежавшихъ XIV вѣку.

Въ XV и XVI вѣкѣ, во Франціи прежде всего заслуживаютъ вниманія скульптуры по наружнымъ сторонамъ клиросныхъ стѣнъ. Въ Шатрскомъ соборѣ это почти вольно-стояція группы; въ Амьенскомъ—горельфы, важныя по своей колоссальности. Въ Альбійскомъ соборѣ находимъ лишь одиночныя статуи и пр. Изъ числа замѣчательныхъ скульпторовъ этого времени, особенно отличались Рулланъ-де-Ру и Жанъ Жюсть.

Упомянемъ еще о скульптурѣ этой эпохи въ Испаніи, выказавшейся въ надгробныхъ памятникахъ гигантскихъ размѣровъ, которые состоятъ изъ вольно-стоящихъ фигуръ, среди росписной рѣзбы по дереву, и разныхъ рельефныхъ изображеній, подъ сѣнью богатѣйшихъ балдахиновъ.

С. Лаврентьева.

(Продолженіе будетъ).

БОБРЫ.

(Животное млекопитающее, порядка грызуновъ, семейства бобровъ).



В ДРЕВНІЯ времена бобры водились не только на всемъ сѣверѣ, но и на югѣ. Ихъ видали во Франціи, Испаніи, Греціи и по рѣкамъ, впадающимъ въ Черное море, гдѣ они назывались понтійскими собаками. Чаше же всего ихъ встрѣчали въ пустыняхъ Сѣверной Европы.

Такъ какъ бобры живутъ стадами и постоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, то они составляли часть дохода того владѣльца, на землѣ котораго поселялись. Владѣльцы замѣчали ихъ жилища, и каждый годъ часть бобровъ убивали, а другую оставляли на разводъ.

Когда въ Европѣ лѣса стали уничтожаться, а города и селенья размножились, тогда бобры изъ нее ушли и теперь встрѣчаются тамъ очень рѣдки и то только въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ, гдѣ живутъ по землянымъ норамъ въ совершенномъ уединеніи.

Въ настоящее время бобры водятся въ сѣверо-восточной Сибири и въ сѣверной Америкѣ. Ловля бобровъ составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ промышленности Россійской Америки, Новой Британіи, Канады, части Лабрадора и Гренландіи.

Мѣха бобровые очень красивы и дороги, лучшими считаются тѣ, на которыхъ пухъ густъ и нѣженъ, волосъ длиненъ и блестящъ, цвѣтъ черный или темно-коричневый. Если же кончики волосъ отливаютъ серебристой просѣдью, то мѣхъ цѣнится еще выше. Этого рода шкурки получаютъ съ бобровъ старыхъ, живущихъ на сѣверѣ; тамъ же иногда встрѣчаются, какъ рѣдкость, бобры чисто бѣлые.

Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ цвѣтъ шерсти бобровъ становится свѣтлѣе и, наконецъ, переходитъ почти въ соломенный.

Шерсть на бобрѣ двоякаго рода: одна, мелкая въ родѣ пуха, густо покрываетъ все тѣло бобра и предохраняетъ его отъ сырости и холода. Другая, нѣсколько длиннѣе и рѣже первой, защищаетъ его отъ пыли и грязи.

Шкурки бобровыя не велики. Бобръ ростомъ бываетъ въ вышину около одиннадцати вершковъ, а въ длину, отъ головы до хвоста, съ небольшимъ аршинъ. Голова у бобра маленькая, съ небольшими ушами; короткое рыльце окружено длинными, жесткими усами; глаза крошечные, блестящіе; туловище толстое, почти не отдѣленное отъ головы; оно оканчивается плоскимъ хвостомъ, длины въ $\frac{1}{2}$ аршина. Хвостъ этотъ имѣетъ овальную форму и весь покрытъ чешуею, въ родѣ рыбьей.

Въ самомъ большомъ количествѣ бобры водятся въ Канадѣ; тамъ они находятъ все, что имъ надобно для жизни удобной и привольной: уединенные дремучіе лѣса, непрерывныя озера, широкія рѣки, ручьи, холодный климатъ, зимою—жестокіе морозы, лѣтомъ—сильные жары.

Такъ какъ на югѣ Канады находится много городовъ и селеній, то и бобры тамъ встрѣчаются рѣже, нежели на сѣверѣ; но чѣмъ далѣе на сѣверѣ, тѣмъ селенія людей становятся малочисленнѣе, а селеній бобровъ—больше.

Бобры поселяются всегда при рѣкѣ или при озерѣ и живутъ какъ на землѣ, такъ и въ водѣ; отъ этого и называются земневодными.

Когда бобры устраиваютъ новую колонію, то прежде всего выбираютъ удобное мѣсто, потомъ со всѣхъ сторонъ начинаютъ на него сходить; тогда составится толпа изъ двухъ или трехъ сотъ бобровъ, они принимаются за дѣло. Если колонія устраивается на проточной водѣ, то поселенцы при-

нимаются за постройку плотины, чтобы вода постоянно держалась на равной высотѣ.

Бобры любятъ работать ночью, въ глубокой тишинѣ, чтобы ничто не мѣшало имъ. Тишина эта только отъ времени до времени прерывается звучными голосами ночныхъ птицъ и издалека шумомъ падающихъ водопадовъ, да и этотъ шумъ, передаваясь изъ пустыни въ пустыню, какъ бы замираетъ въ темныхъ лѣсахъ, покрывающихъ берега рѣкъ, обитаемыхъ бобрами. Мѣстами въ Канадѣ береговые лѣса прерываются живописными скалами изъ краснаго гранита, вышиною почти въ восемьдесятъ саженей. Съ вершины этихъ скалъ склоняются группы темнозеленыхъ кедровъ и сосенъ; по сырмъ трещинамъ плетутся лианы съ голубыми, желтыми и коралловаго цвѣта цвѣтами. Мѣстами лианы спускаются до рѣки и густой массой, въ видѣ живого моста, перекидываются на другой берегъ. По этому живому мосту смѣло перебираются дикари и охотники.

Бобры устраиваютъ плотину на самомъ узкомъ, мелкомъ мѣстѣ рѣки. Для основанія плотины они выбираютъ высокое дерево, растущее надъ самою водою. Когда дерево выбрано, нѣсколько бобровъ садятся вокругъ него на заднія лапки, какъ бѣлки, и съ необыкновенной быстротой начинаютъ подгрызать и подпиливать его, отступя немного отъ корня. Это положеніе для нихъ очень удобно потому, что задняя часть тѣла ихъ гораздо шире передней и вмѣстѣ съ задними ногами, которыя у бобровъ длиннѣе переднихъ, служатъ ему точкою опоры, когда они садятся и приподнимаютъ переднія лапки. Пока одна часть бобровъ подпиливаетъ дерево, другіе принимаются обгрызать вѣтви и обдирать кору, которую въ то же время мелко изгрызаютъ и ѣдятъ съ большимъ наслажденіемъ. Орудіемъ для этого имъ служитъ четыре зуба-рѣзца, чрезвычайно крѣпкіе и острые. Кромѣ рѣзцовъ, у бобровъ въ каждой челюсти находится по четыре зуба коренныхъ. Подгрызая основное дерево, бобры принаравливаются такимъ образомъ, чтобы дерево упало поперекъ рѣки и легло вершиною на другой берегъ.

Пока одна часть бобровъ трудится около этого дерева, другіе обѣгаютъ берега рѣки и выбираютъ средней величины деревья, свойства болѣе нѣжнаго и легкаго, нежели поперечное дерево, какъ-то: березу, ольху, ветлу, осокорь, подгры-

заютъ ихъ и перепиливаютъ на чурбаны, какой имъ надобно величины. Чурбаны эти они перетаскиваютъ сухимъ путемъ на берегъ, тамъ связываютъ ихъ въ плотину и спускаютъ внизъ по теченію рѣки къ мѣсту постройки. Пока одни бобры занимаютъ доставленіемъ матеріала, другіе, погрузившись въ воду, на мѣстѣ постройки плотины, роютъ на днѣ рѣки ямы передними лапками, на которыхъ у нихъ находятся по пяти отдѣльныхъ пальцевъ, съ длинными, острыми когтями. Бобры подъ водою могутъ оставаться очень долго, а чтобы вода не проникла имъ въ носъ и въ уши, они носъ сжимаютъ и крѣпко притягиваютъ къ головѣ свои маленькія ушки. Когда ямы готовы, бобры укрѣпляютъ въ нихъ сваи; сваи эти они проводятъ въ нѣсколько рядовъ отъ одного берега къ другому, въ родѣ частой перегородки и переплетаютъ ихъ вѣтвями, а промежутки крѣпко замазываютъ глиной и иломъ и забиваютъ стекловою землей и камнями. Послѣдніе ряды становятся наискось, чтобы плотина лучше удерживала напоръ воды. Въ верхней части плотины они дѣлаютъ два или три отверстія, которыя суживаются и расширяются, смотря по надобности. Впослѣдствіи плотины бобровъ покрываются множествомъ растений и принимаютъ видъ цвѣтущей стѣны.

Окончивши общественныя работы, бобры раздѣляются на семейства и принимаются за стройку отдѣльныхъ жилищъ. По берегамъ запруженнаго мѣста и по плотинѣ они укрѣпляютъ въ водѣ сваи, оплетаютъ ихъ свѣжими вѣтвями, а на поверхности насыпаютъ землю и камни; эта насыпь служитъ фундаментомъ и поломъ ихъ жилищамъ. Хижины бобровъ бываютъ различной величины, смотря потому, сколько въ нихъ готовится поселиться жителей. Самыя большія бобровыя хижины бываютъ въ вышину до 2-хъ аршинъ, а въ ширину до 5-ти и побольше. Стѣны дѣлаются изъ вѣтвей, земли и ила, которые наверху скругляются сводомъ вмѣсто кровли. Все зданіе внутри и снаружи гладко обмазывается глинистой замазкой. Жилища бобровъ дѣлятся на два этажа, въ первомъ этажѣ бобры живутъ, во второмъ хранятся съѣстные припасы. Жилища свои бобры содержатъ не только опрятно, но и красиво; полы у нихъ всегда устланы различной зеленью. Изъ каждой хижины устроенъ выходъ, родъ окна съ крылечкомъ, выходящимъ подъ воду. На этомъ

балкончикъ бобры проводятъ большую часть времени, то купаясь съ него, то стоя на немъ, погрузившись на половину въ воду. Пищу бобровъ составляетъ древесная кора, коренья водяныхъ растений, рыба, раки. На зиму они запасаются древесной корой, мелко перегрызаютъ ее въ лѣсу и перетаскиваютъ въ свое жилище, гдѣ и поселяются на всю зиму. Зимой все удовольствіе бобровъ состоитъ въ томъ, что они купаются, плаваютъ подъ льдомъ и часто уплываютъ очень далеко.

Весною у бобровъ рождаются дѣти; матери носятъ ихъ по 4 мѣсяца и рожаютъ по 2 и по 3 бобренка заразъ. Пока матери дѣтей кормятъ и воспитываютъ въ хижинахъ, бобры уходятъ въ поля и лѣса, гуляютъ и наслаждаются свѣжими растеніями. Лишь только бобренки начинаютъ ходить, матери ведутъ ихъ въ лѣсъ и учатъ грызть кору или выводятъ на воду, учатъ плавать и кормиться раками и рыбою.

Когда бобренки боятся спуститься въ воду, то матери потихоньку подталкиваютъ ихъ съ крылечка и сбрасываютъ въ глубину.

Около осени всѣ бобры собираются въ свои жилища и, если найдутъ въ нихъ что нибудь попорченнымъ, то тотчасъ же исправляютъ.

Бобры плаваютъ очень легко, лапы у нихъ въ родѣ плавниковъ, перепончатая.

Жизнь бобра продолжается не болѣе 20-ти лѣтъ.

Говорятъ, что для общей безопасности у бобровъ учреждена стража. Если къ селенію ихъ вдругъ приближается охотникъ, вдали мелькнетъ ли по рѣкѣ пирога дикаря, или почувется враждебный звѣрь, сторожъ ударяетъ хвостомъ о воду такъ сильно, что звукъ этотъ раздается на далекое пространство. При этомъ сторожевомъ знакѣ одни бобры мигомъ ныряютъ въ воду, другіе скрываются въ свои неприступныя жилища.

Самый непримиримый врагъ бобровъ—выдра.

Если охотники раззорятъ селенія бобровъ, то тѣ изъ нихъ, которые успѣютъ спастись, разбѣгаются въ разныя стороны и остальную жизнь проводятъ печально и одиноко по землянымъ норкамъ. Шкурка у нихъ становится плоха и на спинѣ вытерта отъ лазанія въ норы. Иногда раззорен-



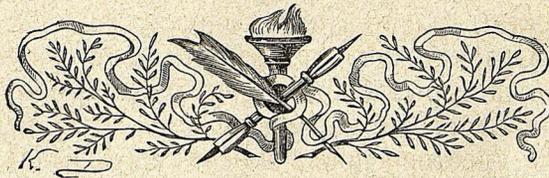
ОЗЕРО КАНАДА СЪВЕРЪ.

ные бобры забѣгаютъ въ чужое селеніе; жители принимаютъ ихъ, но тотчасъ же закрѣпляютъ въ рабство. Они заставляютъ ихъ исполнять самыя трудныя работы и даже употребляютъ вмѣсто повозокъ. Опрокинувши ихъ на спину, перевозятъ на нихъ матеріаль для своихъ построекъ.

Если бобры поселяются около озера, то не дѣлаютъ плотины, а прямо принимаются за постройку хижинъ.

Нельзя себѣ представить ничего прекраснѣе озеръ Канады: онѣ до того прозрачны, что всѣ предметы, которые ихъ окружаютъ, отражаются въ нихъ точно въ зеркалѣ. Въ песчаной глубинѣ озеръ какъ бы волшебствомъ рисуются высокія горы, оплетенныя вьющимися растеніями, пропасти, лѣсъ, птицы, перелетающіе съ острова на островъ, огромныя бабочки съ разноцвѣтными крыльями, змѣи, ползущіе по скаламъ, и вся эта картина мѣшается съ разноцвѣтными раковинами и рыбами, покойно плавающими въ озерѣ. Передъ вечеромъ все тихо, озеро будто дышетъ, бобры купаются около своихъ хижинъ, солнца катывается, горитъ вечерняя заря, гранитныя скалы, лѣсъ, вода, бѣлыя чайки, гирлянды лианъ,—все сіяетъ розовымъ отблескомъ зари.

* * *



ВОСЕМЬСОТЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(Генуэзскій карнаваль въ мартѣ 1881 года).



Есть городъ съ ранняго утра въ движеніи; народъ спѣшитъ на улицу; толкаются, зовутъ другъ друга, раздаются смѣхъ, веселые разговоры, крики разнощиковъ газетъ. „Acta Diurna! Acta Diurna!“ Что это за газета?

Покупаешь и видишь крупными буквами заголовокъ:

„Acta Diurna.
Anno Domini
1097.“

Что за чудо? Развертываешь листъ и глазамъ не вѣришь. Рядъ новостей въ родѣ слѣдующихъ:

„Изъ Антиохіи идетъ слухъ, что въ такой-то церкви найдено кошь, которымъ прободенъ святой бокъ Спасителя.“ „Греческій императоръ сильно озабоченъ необходимостью пропускать крестonosцевъ черезъ свои владѣнія,“ и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Четвертая страница цѣликомъ покрыта курьезными объявленіями:

„Такой-то монахъ привезъ настоящія мощи изъ Св. Земли и продаетъ ихъ по умѣреннымъ цѣнамъ.“

А дальше: „Прочные панцыри, нагрудники, вооруженія для коней и всякаго рода оружіе изготовляется подъ арками, близъ гавани, у такого-то.“

„Богомольцы, желающіе отправиться въ Палестину, принимаются на корабль, въ такой-то день и за такую-то плату“ и проч., все въ томъ же духѣ и, чѣмъ дальше, тѣмъ чуднѣе.

Но вотъ раздался трубный звукъ, толпа заколыхалась и двинулась впередъ, на встрѣчу всаднику, появившемуся въ концѣ улицы. Слышатся отдѣльные возгласы: „герольдъ! герольдъ ѣдетъ!“

На черномъ конѣ, покрытомъ богатой сбруей, медленно ѣдетъ всадникъ, въ желтомъ одѣяніи, съ какой-то бумагой въ рукахъ. Передъ нимъ шесть трубачей, за нимъ двѣнадцать ликторовъ съ арбалетами на плечѣ. Трубачи три раза протрубили и кортежъ останавливается. Желтый всадникъ сдерживаетъ коня, машетъ рукой въ знакъ того, что требуетъ вниманія у толпы, и начинаетъ читать. Читаетъ онъ, что Генуя, по примѣру прочихъ городовъ Италіи, шлетъ своихъ воиновъ въ Палестину, что они сегодня отправляются въ путь, и что городской голова вручить ихъ предводителю, герцогу Гульельмо Эмбриако, освященный духовенствомъ мечъ для совершенія великаго подвига освобожденія гроба Господня. Передъ тѣмъ, какъ имъ сѣсть на корабль, крестоносцы пройдутъ черезъ весь городъ, дабы жители могли собственными глазами убѣдиться въ томъ, сколько ихъ и какъ отлично они вооружены, а также для того, чтобы сопутствовать имъ своими благословеніями и пожеланіями.

Выслушавъ это извѣщеніе въ глубокомъ и благоговѣйномъ молчаніи, народъ раздражается громкими возгласами: *Vivat Genova!* и герольдъ ѣдетъ дальше.

Толпа съ минуты на минуту увеличивается; она валитъ со всѣхъ сторонъ, улицы въ полномъ смыслѣ слова запружены ею; всѣ окна, отперты настежь, всѣ балконы биткомъ набиты зрителями и зрительницами въ нарядныхъ костюмахъ, отнюдь не средневѣковаго фасона. Знакомые заводятъ между собой оживленные разговоры и перекликаются изъ окна въ окно. Развѣвующіеся по вѣтру флаги всевозможныхъ цвѣтовъ, букеты въ рукахъ женщинъ, пестрая толпа пѣшеходовъ, а главнымъ образомъ безоблачное синее небо и жаркое итальянское солнце придаютъ всей картинѣ видъ праздничный, оживленный и чрезвычайно веселый. Всѣ въ радостномъ возбужденіи чего-то ждутъ...

Загудѣлъ наконецъ первый ударъ большаго колокола

церкви св. Лаврентія, въ который звонять только по высоко-торжественнымъ днямъ, а вслѣдъ за тѣмъ крики: „идуть! идутъ!“ возвѣщаютъ о приближеніи процессіи. Она уже показывается издали, окруженная новыми толпами народа, но какимъ чудомъ пройдетъ она по улицамъ, покрытымъ людьми такъ тѣсно, что яблоку негдѣ упасть, этого даже и представить себѣ нельзя!

Однако чудо свершается. По мановенію волшебнаго жезла, полицейской палочки, живая масса съ удивительной быстротой таетъ среди улицы, исчезая невѣдомо какъ и куда: назадъ или впередъ, проваливается ли она сквозь землю или испаряется въ воздухъ, какъ бы тамъ ни было, но путь крестноносцамъ расчищается, да еще какой широкой путь! Впрочемъ, и нельзя иначе—процессія очень большая. Впереди всѣхъ ѣдутъ, по шести въ рядъ, представители городскихъ властей въ богатыхъ одеждахъ, окруженные толпой тѣлохранителей, вооруженныхъ кольями, пиками, а иные простыми дубинами.

Съ головы до ногъ, начиная отъ волосъ, стриженныхъ по тогдашней модѣ, и кончая желтыми сандалями, привязанными къ ногамъ ремнями, покрой верхней части одежды, отдѣлка рукавовъ и всего прочаго,—все исторически вѣрно и старательно скопировано съ картинъ и описаній того времени. Лошади исчезаютъ подъ стальными сѣтками и, не привыкшія къ такой тяжести, отчаянно мотають головами и не покорствуютъ; нѣкоторыя изъ нихъ пытаются встать на дыбы, но ловкіе всадники молодцовато сдерживаютъ ихъ порывы; самыхъ же ретивыхъ, пѣшіе воины ведутъ подъ уздцы, и шествіе въ большомъ порядкѣ продолжается, среди восклицаній всеобщаго изумленія и восторга зрителей.

За властями ѣдутъ рыцари: вождь крестноносцевъ, герцогъ Эмбриоко, со своими подначальными, впереди всѣхъ. Молодой баронъ Соджьери, взявшій на себя эту роль, исполняетъ ее на славу, и возбуждаетъ всеобщее одобреніе, какъ щегольствомъ и богатствомъ костюма, такъ и ловкостью, съ которой онъ усвоилъ себѣ всѣ приемы древняго рыцарства. Высоко поднявъ мечъ, врученный ему городомъ, онъ весь сіяетъ на солнцѣ въ своемъ костюмѣ изъ золотой парчи, усѣянной черными драконами. На конѣ его покрывало изъ той же ткани и такое длинное, что достигаетъ до земли. Вокругъ вождя

крестоносцевъ толпятся слуги его, пажи, меченосцы, а за ними слѣдуютъ другіе рыцари, тоже верхомъ и каждый со своей свитой.

У всѣхъ гербы съ девизами на щитахъ и на покрывалахъ коней. Гербы все настоящіе, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивая ихъ съ украшеніями, высѣченными въ мраморѣ, изъ котораго выстроены дворцы генуэзскихъ магнатовъ. Такъ напримѣръ, эмблема льва и розы, красующаяся въ залахъ одного изъ древнѣйшихъ здѣшнихъ палаццо, а также трехъ серебряныхъ башенъ на оранжевомъ фонѣ, которую можно видѣть въ гербѣ другой фамиліи, не менѣе древней и знаменитой.

Блескъ, роскошь и торжественность шествія совершенно переносятъ зрителя въ средніе вѣка: передъ нимъ, какъ живые, воскресаютъ дѣятели одиннадцатаго столѣтія, прощающіеся съ роднымъ городомъ передъ тѣмъ, чтобъ пуститься въ невѣдомыя страны, гдѣ многихъ, если не всѣхъ, ждетъ смерть въ пустынѣ! Такъ вотъ и кажется, что присутствуешь не на потѣшномъ зрѣлищѣ, устроенномъ съ благотворительною цѣлью, а что и въ самомъ дѣлѣ древніе бойцы за идею, одинъ за другимъ поднимаются изъ разбросанныхъ по свѣту могилъ, для того, чтобъ напомнить потомкамъ о томъ, что они когда-то существовали, и прогуляться по родному городу!

Благотворительное общество, задавшееся мыслью доставить жителямъ Генуи необыкновенное жилище, а бѣднымъ крупную сумму денегъ, вполне достигло своей двойной цѣли. Экстренные поѣзда желѣзной дороги навезли сюда зрителей изъ всѣхъ сосѣднихъ городовъ Италіи; генуэзцы, польщенные въ своихъ патріотическихъ чувствахъ изображеніемъ бывшаго величія, не жалѣли денегъ; примѣру ихъ послѣдовали иностранцы, и историческая процессія удалась какъ нельзя лучше.

Дня два спустя, должно было произойти другое зрѣлище: „возвращеніе крестоносцевъ съ добычей и плѣнными“, но послучаю сильнаго дождя оно было отмѣнено и состоялось только недѣлю спустя.

Увеличенная толпой сарациновъ въ цѣпяхъ, огромными боевыми снарядами, галерами, движущимися на колесахъ и наконецъ, триумфальнымъ внесеніемъ въ городъ знаменитой „смарagdовой чаши“ (подлинникъ которой хранится въ со-

кровищницѣ собора), вторая часть программы вышла еще типичнѣе первой. Публика изъясляла свой восторгъ громкими возгласами и бросала побѣдителямъ вѣнки, букеты и зеленыя вѣтви, перевитыя лентами. Вождя, герцога Эмбрико, привѣтствовали съ такимъ энтузіазмомъ, какъ будто молодой человѣкъ, принявшій на себя роль давно отошедшаго въ вѣчность предка, на самомъ дѣлѣ вернулся изъ похода, преисполненнаго неимоверными трудностями, и, когда представители городской власти привѣтствовали его у гавани длинною рѣчью (которую, конечно, никто изъ публики не понималъ), крикамъ радости и восторга долго не было конца.

„Pane et circenses!“ просила, просить и всегда будетъ просить толпа, и не одна только римская. И слава Богу, что кровавыя зрѣлища цирковъ смѣнились мирными и изящными историческими процессіями наряженныхъ актеровъ, изображающихъ знаменитыхъ дѣятелей давно минувшихъ эпопей!

Какъ бы тамъ ни было, но генуэзскій карнавалъ въ 1881 году превзошелъ оживленіемъ, блескомъ и оригинальностью карнавалы всѣхъ прочихъ городовъ Италіи. Не часто приходится любоваться живой картиной такихъ гигантскихъ размѣровъ! Въ ней участвовало болѣе трехъ сотъ человѣкъ конныхъ и пѣшихъ; однѣ машины, подвижныя башни, осадныя орудія и тому подобное занимали не малое пространство и стоили, конечно, много денегъ и хлопотъ. Траурная колесница, запряженная вороныи конями и покрытая доспѣхами павшихъ въ бою воиновъ, произвела весьма сильное впечатлѣніе, но всего больше понравилась публикѣ галера съ 24-мя гребцами, которую для этого случая вывезли изъ морскаго музея и, вызолотивъ заново, поставили на колеса и торжественно прокатили по городу.

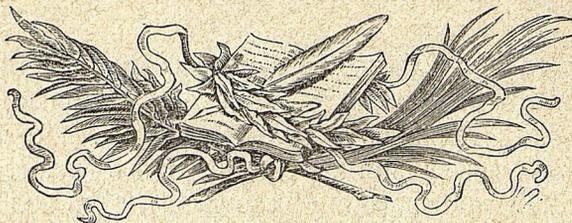
Газета „Acta Diurna“ появилась и на этотъ разъ въ томъ же видѣ, какъ и въ первый день празднества, но ужъ не съ пожеланіями добраго пути крестоносцамъ, а съ разказами, превозносящими до небесъ ихъ воинственные подвиги, намекая при этомъ не безъ ироніи на нѣкоторыя политическія событія того времени.

Иллюзія была бы еще полнѣе, еслибъ печатные листки замѣнили бы рукописными и еслибъ въ тотъ самый моментъ, когда шествіе вступало въ главную улицу города подъ звуки

трубъ и литавръ, не раздался бы оглушительный свистъ другаго дракона, но не средневѣковаго, а вполнѣ современнаго, имя которому—локомотивъ.

Слѣдуетъ пожалѣть также и о томъ, что знамя, которое держалъ въ высоко приподнятой рукѣ одинъ изъ всадниковъ съ золотистыми кудрями, распущенными по атласной синей мантии, нечаянно зацѣпилось за телеграфную проволоку—чего ужъ никакъ не могло случиться восемьсотъ лѣтъ тому назадъ.

N. S.



Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 юня 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. № 11—2.